

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИКИ XVIII—XIX ВВ. В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ *

Х. П. Строд

В послевоенной западногерманской буржуазной историографии история Прибалтики изучается в основном как составная часть истории «восточного пространства», разрабатываемой реваншистским «остфоршунгом»¹. Преобладающим в этой историографии является направление (Ю. Хен, Р. Витрам, В. Рюдигер, В. Герлицц, Г. Аубин, Г. Раух, Г. Римша, В. Ваксмут, В. Унгерн-Штернберг и др.), по существу, продолжающее традиции прибалтийско-немецкой дворянской, а также фашистской историографии и пользующееся полной моральной и материальной поддержкой неофашистских и реваншистских кругов ФРГ. Однако намечается, хотя еще и довольно слабо, либеральное направление (Г. Шлингензипен, М. Хельман и др.), представители которого, отстаивая лозунг «чистой науки», отказываются от явно тенденциозных и предвзятых схем прибалтийско-немецкой дворянской и современной неофашистской западногерманской историографии. С начала 60-х годов все большим влиянием в западногерманской историографии начинает пользоваться группа единомышленников и учеников тюрингенского профессора Г. Ротфельса. Эта группа занимает своего рода промежуточную позицию между названными двумя направлениями и выступает как против откровенно фашистских выпадов консервативного, так и против выдержанных в объективистском духе выводов и оценок либерального направления. Она получает поддержку со стороны тех монополистических и правительственных кругов Бонна, которые, отказавшись от надежд на скорую победу над социалистическими странами, рассчитывают на постепенное расшатывание основ их общественного строя, в том числе в идеологической области, в условиях длительного мирного сосуществования с ними. Но это ведущее направление современной немецкой буржуазной историографии пока почти бессильно против реакционного и неприкрытого реваншистского «остфоршунга», занимающегося историей Прибалтики и представленного профессорами гитлеровского толка.

«Остфоршеры», как правило, рассматривают латышский и эстонский народы вплоть до середины XIX в. как «народы без истории» и поэтому историю Прибалтики предшествовавших этому времени веков в основном, как и прежде, сводят к истории господства немецких привилегированных сословий в этом районе. Аграрная история Прибалтики изучается ими в рамках двух проблем: отношения «старейшей германской заморской колонии» к рейху и положения немецких сословий в Прибалтике. Делается это в целях ознакомления западных союзников и немецкого народа с «истинной» историей «немецкого востока»,

* Под Прибалтикой историки ФРГ применительно к XVIII—XIX вв. понимают бывшие губернии — Курляндию, Лифляндию и Эстляндию.

¹ «Der grosse Brockhaus», 16. Aufl., Bd. 8, S. 643.

воспитания у немецкой молодежи «правильного», «восточного сознания» (*Ostbewußtsein*), идеологического обоснования и подготовки политики «Дранг нах остен». Однако в последнее время под флагом критики старого немецкого «образа истории» (*Geschichtsbild*), отсутствие в котором представления о «негосударственных» в прошлом народах Центральной и Восточной Европы, по мнению либеральных историков и историков группы Г. Ротфельса, привело немецкий народ в последнее пятидесятилетие к крупным неудачам, иногда уделяется больше внимания освещению аграрной истории латышского и эстонского народов. В пределах одной журнальной статьи невозможно достаточно подробно проанализировать все проблемы аграрной истории Прибалтики позднего феодализма, которых касается современная западногерманская буржуазная историография. Поэтому мы ограничимся здесь кратким обзором основных оценок, высказываемых ее представителями по вопросам социально-экономической истории: о географической среде, о колонизации Прибалтики, о феодальной земельной собственности и феодальных привилегиях, о положении крестьян и «*Bauernlegen*»², о классовой борьбе крестьян и аграрных реформах первой половины XIX века.

Познание естественноприродных условий, географической среды органически необходимо для научного изучения аграрной истории народа. Однако в современной немецкой буржуазной историографии история Прибалтики зачастую рассматривается в отрыве от географической среды в нашем понимании. Подходя к географии как к науке о «жизненном пространстве», «остфоршеры» выступают в защиту фашистской геополитики (хотя, по их мнению, значение ее в эпоху «глобальных связей» и уменьшается); забвение ее, по их мнению, может привести к отрыву истории от пространства³. О значении, которое ныне придается геополитике в Западной Германии, свидетельствует, в частности, тот факт, что в геополитика «переквалифицировался» один из видных фашистских историографов, У. Ноак⁴. Правда, в своем последнем исследовании о «культурных сферах» (*Kulturkreise*), написанном в довольно миролюбивом тоне, он проводит тезис о том, что развитие в истории идет в направлении стабилизации создавшегося положения⁵. Подменяя изучение географической среды геополитикой, западногерманские авторы пытаются путем извращенного истолкования данных физической и экономической географии доказать «германский» характер латвийского сельского хозяйства да и всей Прибалтики вообще⁶.

Среди западногерманских геополитиков является модным взгляд на Прибалтику как на некую «проходную территорию»⁷ между двумя мирами — «варварским» восточным и «цивилизованным» западным, территорию, всегда принадлежавшую тому из этих миров, который одерживал верх. Говоря о том, что Эстония и Латвия имеют морские границы большей протяженности, чем Литва, историки-геополитики делают вывод, будто Эстония и Латвия «обращены лицом к Западу»,

² «*Bauernlegen*» (нем.) — уничтожение крестьянских хозяйств феодальными собственниками в целях присоединения их угодий к мызной земле. — *Ped.*

³ O. Köhler. *Raum und Geschichte*. «*Saeculum*» (München), Bd. 14, 1963, Hf. 3/4, SS. 408, 411.

⁴ U. Noack. *Geschichtswissenschaft und Wahrheit*. 1935.

⁵ U. Noack. *Geist und Raum in der Geschichte*. Göttingen. 1962.

⁶ H. Hassinger. *Geographische Grundlagen der Geschichte*. 2. Aufl. Freiburg. 1953; A. Grabowsky. *Raum, Staat und Geschichte. Grundlegung der Geopolitik*. Köln-B. 1960; E. Kant. *Zur historischen Geographie der Baltischen Lande*. «*Erdkunde*», Bd. IX. 1955, Hf. 3; K. Inno. *Wohin gehört das Baltikum?* «*Scholar*», 1948, № 2/3; A. Mattiesen. *Gebiet und Grenzen des Herzogthums Kurland 1569—1795*. «*Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas*», 1957, № 5.

⁷ G. Kröger. *Die baltischen Völker. Die Völker Ostmitteleuropas im Unterricht*. Hannover. 1961, S. 39.

а Литва тяготеет к континенту⁸. Они единодушно подчеркивают, что значение всей Прибалтики несравненно больше, чем можно было бы предполагать, судя по размерам ее территории и ее природным богатствам, и что поэтому есть смысл бороться за «возвращение» Прибалтики в лоно западного мира. И. Пауль, например, объявил «прибалтийское пространство» важнейшей немецкой территорией, где столетиями происходили основные битвы между Западом и Востоком, между германцами и славянами. Он утверждает, что Россия и Польша, являющиеся-де «чуждыми Балтике державами», ворвались в Прибалтику — в «германское пространство»⁹ — только потому, что западные державы, мол, дважды наносили Германии удар в спину. Западногерманские буржуазные историки яростно нападают на всех исследователей, которые изучают Прибалтику в связи с историей славян, а не Германии¹⁰. Рига и Прибалтика вносятся в перечень тех территорий, без которых якобы невозможно существование западной культуры¹¹, Латвия объявляется неотъемлемой составной частью западного мира¹².

Рассматривая все войны прошлого, происходившие на территории Прибалтики, как выражение извечной ожесточенной борьбы между Западом и Востоком, современные реакционные немецкие буржуазные историки характеризуют подобным образом даже Северную войну (1700—1721 гг.). И хотя в действительности в ходе этой войны большинство прибалтийских немецких помещиков, охваченных ненавистью к шведскому правительству, которое ограничило в интересах шведского государства их права на эксплуатацию крестьян, твердо стояли на стороне русского правительства, Ю. Хен, например, полагает, что дворянство Прибалтики «соблюдало верность шведской короне»¹³. И только после полной победы русских в Северной войне прибалтийские помещики, как утверждает Ю. Хен, приняли сторону царя для того, чтобы выполнить свою «историческую миссию», заключавшуюся в «приобщении России к Западу»¹⁴. Вышеупомянутый Г. Ротфельс «европеизацию русского государства» объявляет международной миссией Прибалтики после ее присоединения к России¹⁵.

Даже самые реакционные представители западногерманской историографии не в состоянии отрицать положительное значение присоединения Латвии к России, особенно в смысле развития экономики и объединения всех территорий, населенных латышами¹⁶. Однако, исходя из усиленно насаждавшегося еще нацистами тезиса о том, что русские-де по природе своей никогда не интересовались благососто-

⁸ G. Kröger. Op. cit., S. 39.

⁹ J. Paul. Europa im Ostseeraum. Göttingen. 1961, SS. 62, 91.

¹⁰ O. Halecki. Europa. Grenzen und Gliederung seiner Geschichte. Darmstadt. 1957, S. 107; ср. «Historische Zeitschrift», Bd. 192, Hf. 2, S. 636.

¹¹ G. Rauch. Russland und Europa. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 1959, № 47, SS. 642—643.

¹² H. Heimpel. Kapitulation vor der Geschichte. 2. Aufl. Göttingen. 1957, SS. 22, 25, 29. Необходимость возвращения «восточного пространства» в «германское лоно» обосновывается и с помощью такого типично «геополитического» аргумента, как сравнительно быстрый рост плотности населения в Западной Германии («Deutschlands Ostproblem. Eine Untersuchung der Beziehungen des deutschen Volkes zu seinen östlichen Nachbarn». Würzburg. 1957, S. 179; «Handwörterbuch der Sozialwissenschaften». Bd. XII. Stuttgart-Tübingen-Göttingen. 1965, SS. 733—734; «Die Lage der Vertriebenen und das Verhältnis des deutschen Volkes zu seinen östlichen Nachbarn». Hannover. 1965.

¹³ J. Hehn. Die Baltischen Länder. Geschichte und Schicksal der baltischen Deutschen. Kitzingen. o. J., S. 11.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ H. Rothfels. Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Vorträge und Aufsätze. II. Aufgabe. Göttingen. 1964, SS. 219—220.

¹⁶ W. Ungern-Sternberg. Geschichte der baltischen Ritterschaften. Limburg a. d. Lahn. 1960, S. 27.

янием завоеванных ими земель, а лишь заботились о получении пода-тей¹⁷, что русские в Прибалтике всегда оставались чуждым элементом и ничего нового, что заслуживало бы признания, с собой не принесли¹⁸, западногерманские авторы положительную оценку присоединения Латвии к России распространяют лишь на период до 40—50-х годов XIX в., в течение которого царское самодержавие всячески способствовало сохранению привилегий немецких помещиков¹⁹. Советские историки, не отрицая колонизаторской и антинародной политики царского самодержавия в Прибалтике, считают присоединение Прибалтики к России положительным для этого региона историческим явлением²⁰.

Особое внимание в современной немецкой буржуазной историографии уделяется истории колонизации Прибалтики немецкими помещиками и бюргерами, которые сохраняли здесь свои позиции и в период позднего феодализма, причем эта колонизация трактуется как составная часть закономерного векового движения немцев на восток²¹. В целях оправдания политики «Дранг нах остен» ее рекомендуется сравнивать с освоением Россией Сибири и продвижением американских «пионеров» на запад, к Тихому океану²². Немецкая колонизация имела, оказывается, решающее значение в историческом развитии Прибалтики: благодаря именно этой колонизации «западнславянская и прибалтийская область поднялась на более высокую ступень социального, культурного и экономического развития»²³. История колонизации прослеживается начиная с XIII в. (см. второе, дополненное издание исследования патриарха прибалтийско-немецкой историографии XX в. А. Гранзее-Розенка)²⁴, причем большое внимание уделяется созданию немецкой крестьянской колонии в имении Ирши (Гиршенгоф) Лифляндской губернии в 1769 г.²⁵ и попыткам ввоза немецких сельскохозяйственных рабочих. Хотя и признается, что немецкие крестьяне, за редкими исключениями, не последовали в Прибалтику за помещиками — будто бы из-за суровости здешнего климата²⁶, — колонизация Прибалтики используется как доказательство «права» германских империалистов на Прибалтику в будущем²⁷.

Весьма значительное место в немецкой буржуазной историографии отводится изучению феодальной земельной собственности в Прибалтике, которая рассматривается как естественная и единственно возможная даже в XIX в. форма земельной собственности. В отличие от эстонского и латышского народов, которые всегда считали немецкое имение, основывавшееся на феодальных привилегиях, средоточием угнетения, очагом многовекового рабства, реакционные немецкие буржуазные историки видят в этом имении форпост западной и немец-

¹⁷ A. Aubin. Die Ostgrenze des alten Deutschen Reiches. Darmstadt. 1959, S. 55.

¹⁸ W. Lenz. Die Entwicklung Rigas zur Großstadt. Kitzingen am Main. 1954, S. 8.

¹⁹ W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 32.

²⁰ «История Латвийской ССР». Т. I. Рига. 1952, стр. 368—370; «История Эстонской ССР». Т. I. Таллин. 1961, стр. 524—527. См. также мнение западногерманского либерального историка: B. Meder. Der Strukturwandel in der baltischen Lebensart um die Mitte des 18. Jahrhunderts. Dortmund. 1961. S. 15.

²¹ W. Kuhn. Geschichte der deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit. Bd. 1, II. Köln. 1955, 1957.

²² «Aufgabe und Gestaltung des Geschichtsunterrichts». 3. Aufl. Frankfurt am Main—Berlin—Bonn. 1963, S. 86.

²³ F. Gause. Deutsch-slawische Schicksalgemeinschaft. 2. Aufl. Kitzingen. 1953, S. 19.

²⁴ A. v. Transehe-Roseneck. Die ritterlichen Livlandfahrer des 13. Jahrhunderts. Würzburg. 1960.

²⁵ R. Wittram. Baltische Geschichte. München. 1954, S. 142.

²⁶ W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 43.

²⁷ «Aufgabe und Gestaltung des Geschichtsunterrichts», S. 88; ср. K. Robl. Das Recht auf die Heimat. München. 1960.

кой культуры в Восточной Прибалтике²⁸, определивший в основном сохранение «немецкого характера» Прибалтики в полной мере до 80-х годов XIX в.²⁹ и частично — до первой мировой войны³⁰. Для доказательств культуртрегерской миссии немецкого имения, немецких помещиков в Прибалтике перечисляются все агротехнические улучшения, якобы осуществленные помещиками на благо этого края, все составленные при их участии законы и законопроекты, написанные ими книги и статьи³¹, говорится даже о деятельности немецких обществ³². Ну, а если немецкие помещики иногда и оказывались не в состоянии делать то, что предписывала им их миссия, то в этом, конечно же, была повинна хозяйственная и техническая отсталость России³³. Советская историография не отрицает роли многих прибалтийских немецких помещиков в усовершенствовании агротехники и методов ведения сельского хозяйства в первой половине XIX века. Мы положительно оцениваем и работу немецких, в основном дворянских, экономических обществ в этом направлении. Однако ни в вышеуказанных мероприятиях немецких помещиков, в первую очередь добивавшихся увеличения своих доходов, ни в работе дворянских экономических обществ мы не усматриваем никакой особой культуртрегерской миссии. Агротехнические усовершенствования в имениях до отмены барщинного хозяйства в 40—50-х годах XIX в. не только, за редкими исключениями, были недоступны для латышских и эстонских крестьян, но, как правильно отмечают либеральные историки ФРГ, осуществлялись за счет крестьян. Агротехнический расцвет сельского хозяйства имений стал тяжелым бременем для трудящихся масс Прибалтики³⁴.

Отсутствие в буржуазной историографии научной периодизации истории по социально-экономическим формациям, неясность для ее представителей основных понятий истории феодализма и даже самого понятия «феодализм»³⁵ лишают немецких буржуазных историков возможности правильно трактовать вопросы развития капиталистического уклада и разложения феодализма — процесса, составлявшего основу аграрной истории позднего феодализма. Несмотря на то, что они признают факт постепенного перехода в XIX в. помещичьих имений Прибалтики в фактическое владение бюргеров и превращения все большей части помещиков из прямых руководителей сельскохозяйственного производства в простых получателей прибыли с отданных в аренду мызных земель³⁶, они не делают из этого вывода о разложении феодального мызного хозяйства, о зарождении новой, капиталистической формы земельной собственности.

В отношении вопроса о роли производительных сил в аграрной истории, особенно о роли сельскохозяйственной техники, в современной западногерманской буржуазной историографии существуют по крайней мере две противоположные точки зрения.

²⁸ W. Görlich. Die Junker, Adel und Bauer im deutschen Osten. Glücksburg. 1957, SS. 124—125.

²⁹ W. Wachsmuth. Von deutscher Arbeit in Lettland 1918—1934. Bd. II. Köln, 1952, S. 2.

³⁰ G. Schlingensiepen. Der Strukturwandel des baltischen Adels in der Zeit vor dem Ersten Weltkrieg. Marburg a. d. Lahn. 1959.

³¹ G. Rauch. Zur baltischen Frage in 1874. «Jahrbücher für die Geschichte Ost-europas», 1957, Hf. 4—5.

³² W. Wachsmuth. Op. cit., S. 2.

³³ G. Schlingensiepen. Op. cit., S. 88.

³⁴ В. Meder. Op. cit., SS. 10, 11; См. также Г. Строд. Деятельность сельскохозяйственных обществ в период разложения феодализма (конец XVIII в. — начало 60-х годов XIX в.). «Проблемы истории». Т. V. Рига. 1962, стр. 108 — 110 (резюме).

³⁵ O. Brunner. «Feudalismus». Ein Beitrag zur Begriffsgeschichte. «Grundbegriffe der Geschichte». Gütersloh. 1964, SS. 97—99.

³⁶ Накануне первой мировой войны лишь не более 30% помещиков Лифляндской губернии сами занимались хозяйством (G. Schlingensiepen. Op. cit., S. 81).

Часть немецких буржуазных историков, не признавая того, что развитие производительных сил, в том числе и техники сельскохозяйственного производства, является движущей силой развития общества, не уделяет этому вопросу, так же как и прежде, почти никакого внимания. Развитие сельскохозяйственной техники рассматривается ими не как составная часть аграрной истории, а как отрасль истории техники³⁷. В этой связи и история сельского хозяйства вообще практически выпадает из поля зрения, точно так же как это имело место и в довоенные годы³⁸.

Историки так называемой группы Г. Ротфельса (Т. Шидер, В. Конце, К. Дитрих-Эрдман и др.), напротив, не отрицают за развитием производительных сил определяющей роли в развитии общества, но сводят весь прогресс производительных сил к развитию техники, главным образом в области промышленности, которое, согласно их терминологии, в конце XVIII в. привело к складыванию «индустриального общества». Для обоснования своих взглядов представители группы Г. Ротфельса наибольшее внимание обращают на период после 1789 г., когда, по их словам, действие техники как «символа и квинтэссенции нашей эпохи» проявилось особенно явно: на базе индустриальной революции развернулась социальная эмансипация, что привело к началу «эпохи революций», к «современной демократии масс» и созданию национальных государств. Сводя, таким образом, всю историю развития человечества к развитию техники, буржуазные историки группы Г. Ротфельса не только игнорируют классовую борьбу и ее значение, но и отрицают роль народных масс в истории общества³⁹.

Как видим, ни одна из изложенных двух крайних точек зрения, бытующих в современной немецкой буржуазной историографии, не может дать удовлетворительного объяснения роли производительных сил, и особенно сельскохозяйственной техники, в развитии аграрной истории. Но это, конечно, не исключает возможности правильного толкования буржуазными историками некоторых конкретных вопросов развития отдельных отраслей сельского хозяйства. Так, например, Г. Шлингензипен⁴⁰ вслед за прибалтийско-немецкой дворянской историографией⁴¹ с полным основанием отмечает, что в 40—50-х годах XIX в. в Прибалтике явно наблюдается начало специализации в области животноводства. Некоторые западногерманские буржуазные историки в общем правильно характеризуют социально-экономические причины расширения производства зерна для западноевропейского рынка в странах средней и восточной Европы, в том числе и в Прибалтике, начиная с середины XVIII в., что послужило причиной изменения хозяйства, культуры и быта⁴².

Крайне реакционный характер современной буржуазной историографии Западной Германии проявился в ее подходе к вопросу о «Вагнерлеге» в Прибалтике. Если прежние немецкие буржуазные историки (Г. Кнапп, К. Фукс и др.) не только признавали, что этот про-

³⁷ A. Timm. Zur Geschichte der Erntegeräte. «Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie», 1956, Hf. 1, S. 29—30.

³⁸ R. Wittam. Die deutsche Geschichtsforschung. «Die deutsche Ostforschung», Bd. II. Leipzig. 1943, S. 460.

³⁹ G. Lozek. H. Syrbe. Die moderne Epoche, die Perspektive der deutschen Nation und die Sorgen der imperialistischen deutschen Nation und die Sorgen der imperialistischen deutschen Historiker. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1963, Hf. 7, S. 1235.

⁴⁰ G. Schlingensiepen. Op. cit., SS. 88—89.

⁴¹ P. Stegmann. Die Geschichte der baltischen Rindviehzucht. «Landwirtschaftliche Jahrbücher». B. 1923, S. 403.

⁴² «Geschichtliche Ostkunde». Zweite Auflage. München. 1963, S. 218; B. Meder. Op. cit., SS. 1—7.

цесс имел место, но и изучали его, то современные западногерманские историки, исходя из принципа неприкосновенности и вечности частной собственности, пытаются доказать, что в эпоху позднего феодализма и в период распространения системы капиталистического хозяйства помещики присоединяли к мызным землям только опустошенные и обезлюдившие из-за войн и эпидемий крестьянские участки. Такой точки зрения, имеющей целью оправдать феодальный грабеж, придерживается, например, В. Герлицц, утверждающий, что процесс «Bauernlegen» в Прибалтике начался лишь после опустошительной Северной войны и по отношению только к оставшимся без обитателей крестьянским хуторам⁴³. На подобных же позициях стоит бывший остзейский помещик, а ныне историк В. Унгерн-Штернберг. Из такого рода утверждений делается вывод, что помещики не могут нести ответственность за «Bauernlegen», поскольку этот процесс явился будто бы исключительно результатом военных опустошений; более того, помещики выступают здесь в роли благодетелей и организаторов обработки заброшенных земель, ибо они якобы не были хозяйственно заинтересованы в «Bauernlegen»⁴⁴. Р. Витрам, правда, признает, что помещики имели право производить «Bauernlegen» и в мирное время⁴⁵, но умалчивает о том, пользовались ли они этим правом. А В. Унгерн-Штернберг всячески стремится подчеркнуть, что, во всяком случае, прибалтийские бароны в деле «Bauernlegen» будто бы далеко отставали от помещиков многих стран Европы⁴⁶.

Западногерманские буржуазные историки почти в один голос отрицают связь «Bauernlegen» с процессом мызообразования, не признают роли экспроприации крестьянской земельной собственности в этом процессе. В результате делается вывод, что как юридически, так и фактически мызное хозяйство в Западной и Восточной Европе развивалось одинаковым путем и что между образованием и приобретением капиталистической и феодальной земельной собственности нет никакой разницы. Лишь изредка отдельные авторы признают, что имения прибалтийских немецких помещиков и их привилегии в период разложения феодализма представляли собой реликт средневековья и что факт сохранения в руках остзейских баронов, этих теней прошлого, опиравшихся на свои имения и привилегии, почти нераздельной власти на местах фактически вплоть до первой мировой войны не имел аналогии в других странах Европы⁴⁷. В целом большинство современных немецких историков отстаивает миф об «идеализме» и «искренности» прибалтийских немецких помещиков и буржуазии, хотя легенда эта давно разоблачена как советскими историками⁴⁸, так и некоторыми буржуазными исследователями⁴⁹.

О классовом характере современной буржуазной западногерманской историографии весьма ярко свидетельствует отношение ее к вопросу об эксплуатации крестьянства. В большинстве работ эксплуатации крестьянства помещиками либо игнорируется вовсе, либо же сво-

⁴³ W. Görlicz, *Op. cit.*, S. 123; cp. Fr. Lütge. *Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Göttingen-Heidelberg. 1952, SS. 155—157, 238—241.

⁴⁴ W. Ungern-Sternberg. *Op. cit.*, S. 44.

⁴⁵ R. Wittram. *Baltische Geschichte*, S. 153.

⁴⁶ W. Ungern-Sternberg. *Op. cit.*, S. 49.

⁴⁷ H. Rothfels. *Reich, Staat und Nation im deutsch-baltischen Denken*, S. 225 ff.; cp. M. Roelf. *Staatsdienst, Aussenpolitik, Ideologie*. «Jahrbücher für die Geschichte Ost-europas», 1959, Hf. 2, SS. 147—181.

⁴⁸ Я. З у т и с. *Остзейский вопрос в XVIII веке*. Рига, 1946.

⁴⁹ C. L. Lundin. *The Road from Tsar to Kaiser: Changing Loyalties of the Baltic Germans. 1905—1914*. «Journal of Central European Affairs», 1950, pp. 1223—1258; e j u s d. *Nazification of Baltic German Minorities: a Contribution to the Study of the Diplomacy of 1939*. «Journal of Central European Affairs», 1947—1948, № 7; cp. H. K r i e g. *Baltenbriefe zur Rückkehr ins Reich*. «Volksdeutsche Heimkehr». Bd. II. В. 1940.

дится к уплате крестьянами их долгов помещикам. Такой подход, естественно, не позволяет раскрыть сущность эксплуатации прибалтийских крестьян немецкими помещиками, хотя отдельные авторы, особенно говоря о XVIII в. и первой половине XIX в., и признают, что объем барщины и оброка мог возрасти неограниченно⁵⁰ и что в первой половине XIX в. экономическая зависимость латышских и эстонских крестьян от помещиков была всеобъемлющей⁵¹.

Ухудшение положения латышских и эстонских крестьян и зарождение крепостного права в Прибалтике современные реакционные буржуазные историки в ФРГ, как и их фашистские предшественники, продолжают относить к XVIII в., считая введение крепостного права результатом либо действий русских властей (манифест Екатерины II от 1783 г. об аллодификации ленов⁵²), либо распространения на Прибалтику русских крепостнических порядков⁵³. Иногда они объясняют закрепощение крестьянства всеобщим обнищанием в итоге Северной войны⁵⁴. Таким образом, создается впечатление, что «благородное» немецкое помещичье «господствующее и руководящее сословие» не имеет никакого отношения к закрепощению крестьян Прибалтики. Попытки немецких помещиков узаконить рабское положение крестьян путем утверждения разработанного дворянством законопроекта Будберга—Шрадера (1740 г.) часто замалчиваются, а так называемая декларация ландрата барона Розена (1730 г.) по-прежнему объявляется маловажным канцелярским документом, в котором всего лишь зафиксировано фактическое положение крестьян⁵⁵.

Тезис об ухудшении положения крестьян Лифляндии и Эстляндии в XVIII в. как результате налоговой политики русского правительства и расширения феодальных прав помещиков развивается в настоящее время и в англо-американской буржуазной историографии⁵⁶. При этом забывается та простая истина, что между ухудшением положения латышских и эстонских крестьян, усилением крепостничества и широким производством хлеба на рынок существовала такая же взаимосвязь, какая имела место, скажем, между упрочением рабства и производством сахара в американских колониях Англии, а следовательно, это явление не было специфическим для России.

Современная реакционная западногерманская буржуазная историография отрицает существование антагонистических классов, наличие классовой борьбы, основанной на классовых противоречиях. Вместе со своими коллегами — буржуазными социологами историки пытаются подменить классы группами людей то с одинаковым образовательным уровнем, то с одинаковыми доходами, то с одинаковыми политическими убеждениями⁵⁷. Поэтому вполне естественно, что в большинстве работ историков ФРГ не находит практически отражения все обострявшаяся в последние десятилетия периода позднего феодализма классовая борьба феодально-барщинного крестьянства против помещиков. Причины упоминаемых в работах западногерманских буржуазных историков отдельных крупных выступлений латыш-

⁵⁰ R. Witt ram. Baltische Geschichte, S. 153.

⁵¹ J. H e h n. Die baltischen Länder, S. 15.

⁵² H. Wolff. Die Rehchtsbrüche zum Nachteile der deutschen Volksgruppe in Lettland 1919—1939. Nur für den Dienstgebrauch. B. 1941, S. 23.

⁵³ R. Witt ram. Baltische Geschichte, S. 152.

⁵⁴ J. H e h n. Die Baltischen Länder, S. 15—16; cp. W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 44.

⁵⁵ R. Witt ram. Baltische Geschichte, S. 152.

⁵⁶ См., например, J. Blum. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton. 1961.

⁵⁷ R. D a h r e n d o r f. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft, Stuttgart. 1957; cp. S. Lipset, R. Bendix. Social Status and Social Structure. «British Journal of Sociology». Vol. II. 1950, p. 150.

ских и эстонских крестьян, так же как это делала и прибалтийско-немецкая дореволюционная историография, обыкновенно сводятся к темноте и необразованности крестьян, к недоразумениям, зависти и ненависти крестьян к помещикам, к национальной вражде между крестьянством и дворянством. Так, массовые волнения латышских и эстонских крестьян в 1783—1784 гг., поколебавшие основы феодального строя в Прибалтике, объясняются тем, что крестьяне якобы превратно истолковали положение, в котором они оказались после введения подушной подати⁵⁸. Аналогичными причинами было, оказывается, вызвано и Каугурское восстание 1802 г.: крестьяне просто не разобрались в указе об отмене стационарной повинности (подати, уплачивавшейся фуражом)⁵⁹. Крестьянские волнения начала 40-х годов XIX в. часто упоминаются без всяких объяснений⁶⁰. Хотя о бегстве крестьян из имений говорится в связи с характеристикой их тяжелого положения⁶¹, совершенно игнорируется тот факт, что это бегство представляло собой составную часть классовой борьбы. Те авторы, которые не находят возможным отрицать наличие целой эпохи интенсивной классовой борьбы крестьян Лифляндской губернии во второй половине XVIII и в первой половине XIX в., объясняют подъем борьбы не жестокой эксплуатацией крестьянства, а общим ухудшением положения крестьян во всей Восточной Европе в этот период, когда помещики Прибалтики превращались в предпринимателей в области как сельского хозяйства, так и промышленности⁶².

Более консервативные «остфоршереры» вместо того, чтобы писать о классовой борьбе между крестьянами и помещиками, не смущаясь, говорят о «вековом братстве и дружбе» латышских и эстонских крестьян с немецкими помещиками⁶³. Эта «дружба», по утверждению «остфоршеров», существовала до 80-х годов XIX в., когда она была подорвана распространением идей марксизма. Такое стремление изобразить бывших колонизаторов и эксплуататоров друзьями и бескорыстными благодетелями покоренных народов вообще характерно для современной немецкой буржуазной историографии.

Борьбу прибалтийских немецких просветителей в середине XVIII в. за ограничение, а в конце века — за ликвидацию крепостничества современная реакционная буржуазная историография ФРГ обыкновенно замалчивает. Популярная работа выдающегося просветителя и борца против крепостничества Г. Меркеля «Латыши», которую невозможно обойти молчанием, так как она произвела на современников огромное впечатление и сыграла важную роль в освободительной борьбе латышского и эстонского народов, объявляется тенденциозным сочинением⁶⁴, написанным исключительно под влиянием идей французской буржуазной революции⁶⁵.

Весьма своеобразно западногерманские авторы пытаются решить вопрос о складывании в Прибалтике новых классов — классов капиталистического общества. Если образование к середине XIX в. сословия богатых латышских крестьян объявляется положительным результатом «немецких по своему характеру» аграрных реформ первой половины XIX в., то формирование столь типичной для Прибалтики огромной армии сельского пролетариата, к середине XIX в. составлявшего

⁵⁸ R. Wittram. Baltische Geschichte, SS. 131, 153—154.

⁵⁹ Ibid., S. 158.

⁶⁰ Ibid., S. 161.

⁶¹ Ibid., S. 153.

⁶² A. Soom. Die Lage der estländischen Bauern um die Wende des 18. und zum 19. Jahrhundert. «Zeitschrift für Ostforschung», 1963, Hf. 4, SS. 720—721.

⁶³ W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 38.

⁶⁴ J. Hehn. Die Baltischen Länder, S. 16.

⁶⁵ R. Wittram. Baltische Geschichte, S. 157.

около 75% мужского населения латышской деревни, или вообще замалчивается, или же ставится в прямую связь с законодательством Российской империи 60-х годов XIX века. Таким образом, создается впечатление, что сельскохозяйственный пролетариат Прибалтики, с которым немецкие помещики и буржуазия имели ряд крупных социальных столкновений как в 1905—1907 гг., так и в 1917—1919 гг., является порождением «азиатской России»⁶⁶.

О попытках царского правительства начиная с 60-х годов XVIII в. и вплоть до 60-х годов XIX в. ограничить привилегии прибалтийских помещиков реакционная западногерманская буржуазная историография предпочитает не писать или же искажает смысл этих действий правительства. Например, предпринятые в 1765 г. вынужденные попытки несколько ослабить ярмо крепостнического гнета характеризуются как начало русификаторской политики царизма в Латвии⁶⁷. Вместе с тем аналогичная политика, проводимая с середины XVIII в. во Франции и в германских княжествах, оценивается западногерманскими историками, находящимися за пределами «остфоршунга», положительно, как приводящая к укреплению крестьянского сословия⁶⁸. Отчетливо наблюдавшееся в первой половине XIX в. стремление правительства сблизить «Остзейский край» с остальной Россией связывается буржуазными историками с усилением реакционной роли царизма в международной жизни после Венского конгресса 1814—1815 годов. Они рассматривают Россию того времени лишь как реакционный антипод прогрессивного Запада⁶⁹ и под этим углом зрения дают оценку аграрной политике царизма в Прибалтике, считая ее насквозь реакционной. В атаках русских славянофилов (Ю. Самарина, Каткова и др.) и государственной православной церкви против «особого порядка» в Прибалтике и привилегий остзейского дворянства буржуазные историки ФРГ обыкновенно видят борьбу царизма с западной культурой и немецким народом в Прибалтике⁷⁰, проявление русификаторской политики Николая I.

Анализируя царское аграрное законодательство в Прибалтике в первой половине XIX в., западногерманские буржуазные историки, конечно, не признают его как попытку помещиков найти выход из создавшегося положения, приемлемый для них в условиях разложения феодально-крепостнического строя, а характеризуют его как добровольное начинание немецких помещиков, вдохновленных прогрессивным примером Пруссии⁷¹. Ход событий рисуется таким образом, что за отдельными помещиками, которые еще в XVIII в. проявляли заботу об улучшении положения своих крестьян⁷² и якобы боролись тем самым против крепостничества⁷³, в первой половине XIX в. последовало все прибалтийское дворянство, добровольно осуществившее реформы⁷⁴, в результате которых крестьяне получили право пользования землей⁷⁵. Роль «двигателя» реформ начала XIX в. в Лифляндии

⁶⁶ W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 54.

⁶⁷ R. Witttram. Baltische Geschichte, S. 132; ср.: J. Hehn. Die baltische Frage zur Zeit Alexanders III. in Ausserungen der deutschen Öffentlichkeit Marburg a. d. Lahn. 1953, S. I; G. Sacke. Livländische Politik Katharinas II. Quellen und Forschungen zur baltischen Geschichte. Hf. 5. Riga-Posen. 1944.

⁶⁸ Fr. Lütge. Geschichte der deutschen Agrarverfassung vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart. 1963, SS. 129—134.

⁶⁹ E. Lemberg. Osteuropa und die Sowjetunion. 2. Aufl. Salzburg-Linz. 1956, S. 108—109.

⁷⁰ «Der grosse Brockhaus», 16. Aufl. Bd. 8, S. 651.

⁷¹ W. Görlitz. Op. cit., S. 260.

⁷² R. Witttram. Baltische Geschichte, S. 153—154.

⁷³ W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 45.

⁷⁴ «Die Völker Ostmitteleuropas im Unterricht», S. 41.

⁷⁵ J. Hehn. Die Baltischen Länder, S. 16.

приписывается, как и в старой прибалтийско-немецкой дворянской историографии, маршалу дворянства Лифляндской губернии Фр. Зиверсу (1748—1823 гг.)⁷⁶, который изображается инициатором издания закона 1804 г. и дополнительных статей 1809 г.—юридических актов, ликвидировавших крепостное право в Лифляндии⁷⁷.

Распространившемуся среди немецких помещиков Прибалтики во втором десятилетии XIX в. увлечению идеями англичанина Адама Смита о возможности прогресса только в условиях свободной конкуренции западногерманские буржуазные историки зачастую дают отрицательную оценку. Точно так же отрицательно они оценивают законы 1816—1819 гг., допускавшие, по их мнению, такую конкуренцию между помещиками и крестьянами в форме «свободных договоров». Результатом этих законов, считают западногерманские историки, явилось не столько улучшение, сколько ухудшение положения крестьян⁷⁸, или, говоря словами одного из руководителей «остфоршереров», геттингенского профессора Р. Витрама, эти законы «практически латышским крестьянам ничего не дали»⁷⁹. Против такой оценки непосредственных результатов отмены крепостного права, в общем соответствующей истинному положению вещей, резко возражают архиконсерваторы вроде В. Унгерн-Штернберга, который отмену крепостного права в Прибалтике расценивает как отеческую заботу немецких помещиков не только о крестьянстве, но и о благе всего края⁸⁰. Историки либерального крыла не разделяют эту точку зрения и доказывают, что основной хозяйственной причиной отмены крепостного права явилось усиление хозяйственных трудностей имений и неспособность к интенсификации сельского хозяйства⁸¹.

Аграрные реформы 40-х годов западногерманские буржуазные историки часто теснейшим образом связывают с именем «самого выдающегося» «местного политика» Прибалтики XIX в. Г. Фелькерзама⁸². Особых похвал он удостоивается за то, что рекомендовал приступить к продаже земли крестьянам. Это привело к образованию «здорового в хозяйственном отношении, самостоятельного крестьянства»⁸³, причем западногерманские авторы нередко считают нужным подчеркнуть, что в реформаторской деятельности Г. Фелькерзама не было ничего революционного⁸⁴. «Двигателем» реформ в Курляндии объявляется предводитель дворянства Курляндской губернии барон Т. Ган (1788—1864 гг.)⁸⁵. Советские историки давно доказали несостоятельность подобного взгляда. Попытки этих дворянских деятелей по возможности ограничить реформы, направить их по выгоднейшему для баронов (и тяжелому для крестьян) руслу «прусского пути» вполне удалась⁸⁶.

Современные буржуазные историки ФРГ, говоря об аграрной истории Латвии периода позднего феодализма, не упускают случая «связать» этот материал с современностью. Так, рассказ о баронских име-

⁷⁶ R. Wittram. Baltische Geschichte, S. 156.

⁷⁷ Ibid., S. 158.

⁷⁸ J. Hehn. Die Baltischen Länder, S. 16.

⁷⁹ R. Wittram. Baltische Geschichte, S. 161.

⁸⁰ W. Ungern-Sternberg. Op cit., S. 48.

⁸¹ B. Meder. Op. cit., S. 12.

⁸² R. Wittram. Baltische Geschichte, S. 162—164; W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 50.

⁸³ J. Hehn. Die Baltischen Länder, S. 16.

⁸⁴ R. Wittram. Baltische Geschichte, S. 164.

⁸⁵ R. Wittram. Baltische Geschichte, S. 165; W. Ungern-Sternberg. Op. cit., S. 52.

⁸⁶ «История Латвийской ССР». Т. I, стр. 448—455, 519—525; Х. П. Строд. Борьба лифляндских помещиков в 40-х годах XIX в. против проекта Г. Буденброка об отмене барщины и продаже земли крестьянам. «Аграрная история Латвии XVI—XIX вв.». Рига. 1966, стр. 53—77.

ниях прерывается печальным вздохом по поводу того, что они находятся теперь под управлением «чужих народов», притом придерживающихся «чужого и враждебного мировоззрения»⁸⁷, что на месте имений теперь простираются «русские колхозы»⁸⁸.

Не обходит современная немецкая буржуазная историография своим вниманием и русскую сельскую общину — «мир» и «перенесение» элементов, порядков и традиций «мира» русскими переселенцами в некоторые волости восточной части Латвии — Латгалии. При этом буржуазные историки, как правило, не интересуются происхождением элементов и традиций «мира», которые уходят своими корнями в глубь веков, а «изучают» «мир» как... предпосылку развития форм социалистического сельского хозяйства — колхозов и совхозов⁸⁹.

Касаясь так называемого «остзейского вопроса», современные реакционные западногерманские буржуазные историки изо всех сил пытаются убедить читателя в «закономерности» борьбы, которую вели в XIX в. немецкие помещики и бюргеры за сохранение экономического и политического господства в Прибалтике, за ее «немецкий характер»⁹⁰. Тем самым эти историки продолжают традиции прибалтийско-немецкой дворянской и позднейшей немецкой фашистской историографии⁹¹.

Итак, совершенно очевидно, что западногерманские реакционные буржуазные историки ставят в основном в своей работе во главу угла стремление найти историческое обоснование для сегодняшней политики германского империализма. Это привело к тому, что разработка аграрной истории Прибалтики оказалась отсталым участком западногерманской историографии. Ее представители во все большей степени отходят от конкретно-исторического изучения аграрной истории Прибалтики, в частности периода позднего феодализма, и под влиянием концепции так называемого презентизма (рассматривающей историю как «мост между прошлым и будущим»), используя старые схемы прибалтийско-немецкой дворянской историографии для нужд современной восточной политики германского империализма, пытаются конструировать историю Прибалтики, и в частности аграрную, как материал, позволяющий извлечь исторические уроки реваншистского толка. Это находит свое выражение в очевидном сокращении числа исследований монографического характера на эту тему и увеличении количества разного рода брошюр, популярных обзоров, журнальных статей и другой литературы, легковесной в научном отношении, но зато более доступной широким слоям населения. Поэтому особенно важно, чтобы марксистская историография занялась созданием подлинно научных монографических исследований по данной проблематике.

⁸⁷ W. Górlitz. Op. cit., S. 429.

⁸⁸ H. Rost. Fehlwegen deutschen Geschichte. Nürnberg. 1963, S. 293.

⁸⁹ E. Lemberg. Op. cit., S. 194.

⁹⁰ R. Wittram. Das Reich und die baltischen Deutschen. 1940.

⁹¹ R. Wittram. Meinungskämpfe im baltischen Deutschtum. Riga. 1934, S. VIII.